

У МИНИНОГО РУЧЬЯ

Н.В. Попов

*Светлой памяти моего любимого дедушки,
Попова Михаила Александровича.*

На выступе отвесной скалы величественно сидел орлан, осматривая бескрайние просторы своих владений. Ничто не могло ускользнуть от взгляда этой зоркой птицы. У ручейка рядом с зимовьём дымил таганок, там хлопотал, опираясь на бодожок, дед. Они с пониманием относились друг к другу, жили мирно, иногда перекликивались, как вольные лесные соседи-добытчики, вот уже добрых полвека.

Внизу – гладко выбритый ледоходом берег, выше – россыпь камней, что веками наслаиваются, отторгнутые скалой, этим природным шедевром. В своих глубоких расщелинах она, как мне казалось, хранила какую-то тайну

Из Кежемской протоки выскочила лодка, в ней сидели двое. Это были я и отец. Оперевшись на спинку сиденья, отец покуривал «Беломор», обдавая меня табачным дымом. Мне не нравилось, но я терпел. Орлан расправил огромные крылья, оттолкнулся и стал набирать высоту, уходя в сторону Пашино, как бы встречая нас.

Деда спустился к ручейку Собачка Дамка уже бегала по берегу, повизгивала, не находила себе места. Он устроился на большом, отшлифованном временем камне. Разложил рядом кiset с махрой и аккуратно нарезанные листики газетки. Закрутил сигарку и с наслаждением затянулся, бодожком вырисовывая что-то на песке. Плишка уселась рядом, раскачивая хвостиком, забавно бегала и клевала метлячков, не обращая на него внимания. Дед с ней разговаривал: «Эка, паря, места тебе мало, куда я, туды и ты. Слышишь, наши едут Эвон, уж у нижней изголови, прытко бегут». Бывает, что и гадина жалюча вылезет, он её, не два дни, в бутылку загонит – и на солнышко. А осенью – для соболя, на приваду

Я крепко держал румпель. В этом фарватере я знал каждый подводный камень, мели, ямы. Выйдя к Гремучинской каменной косе, я взял цель на сухой листвяк на краю скалы. Было не глубоко, на дне просматривались камни и, как змейки, по течению извивались водоросли. Лодку слегка водило, но я «держал марку». Вот поравнялись с ручейком, и я резко повернул влево, влетая в прогал травяного ковра. И пока мотор не намотает окончательно, заглушу и подниму, очистив этот клубок.

Деда, натосковавшись, начинает разговор, пока мы толкаемся шестом до берега. «Здорова-те!». «Здорово, тятя!» – ответит отец. Дед продолжает: «Ну, чаво там, Вихторев-то пьёт?». Отец: «Пьёт, тятя, пьёт». Дед не успокаивается: «Каждый день, ли ково ли?». Отец отвечает: «Каждый день, тятя». Дед с изумлением: «Вай, гадина, живучий-то какой!».

Пристали к берегу, подтащили лодку. Стали стаскиваться – продукты, соль, ловушки. Дедушка рассказывает про свою беду: «Да, паря, подековалось каво-то с моторкой, напорухалась, не заводится». Отец шутит и придумывает, что какой-то

«сохач» сломался (а это приезжающие в гости рыбаки просто закрыли краник на баке). Мотор Л-6 – у него бачок на доске, на борту, дед его сроду не закрывал. Отец открыл кран, топнул, и мотор завёлся. Дед, довольный и гордый за сына, скажет: «Эка, паря, мяханник – он и есть мяханник. Точно определил жич: сохач».

Отобедаем. Отец, как всегда, покемарит часок. Потом загрузим бочонок, а то и два, с рыбой, добытой дедом. И дед начинает меня уговаривать: «Останься, тоскливо, паря, одному-то, поживи».

К вечеру отец уедет домой, а мы отправимся смотреть ловушки. Возьмём с собой из корчажки насаченных мокчонов, заедем повыше скалы и, сплавляясь, поочерёдно проверим животники и сети. Дед в процессе рыбалки рассказывает, какой поплавень фартовый, какой – так себе: «Вечор, паря, приехал к зимовью, поднялся на угорто, присел на скамейку Гляжу (очки одел), а от верхней изголови, как брёвна, две шшучишши прямо вот на этот поплавень идут. А он у меня – ужась ловкий, ну и трафились. Утре поехал, а они тут как тут. Как шли, так и попались».

Приехал к нам в гости дядя Ваня Качин. Он ему тоже рассказал. А тот спрашивает: «Михаил Александрович, очки-то у тебя плюс или минус?». Дед усмехнулся: «Кружашш, однако, парень. Они чаво, электрические, ли ково ли? Просто дальнобойны».

Однажды к лабазу пришёл медведь, оставил там следы своего пребывания. Я, не два дни думая, на следующий день нашёл на берегу пропащшу рыбину и – на лабаз её. Туда же поднял пустые вёдра, наживил. А собачка наша Дамка, соболятница, на зверя не шла. После ужины улеглись спать. На крючок деда дверь не закрывал и мне не велел. Духота ночью. Говорил, что не зверя надо бояться, а человека. «Зверь-то – он умный!». Кричала ночная птица. После баек сон брал своё. Дедушка уже похрапывал, как вдруг загремели вёдра. Он подскочил и, конечно же, всё понял: «Оно хто чаво, ты какова лешего там наделал?». Я рассказал. Деда говорит: «Но, паря, выдумщик!». Дамка тявкала где-то на берегу. Опять громко зазевал, бурча. «Подфартило ноне, добыли». И уснул, как будто ничего и не было.

А с утра – опять на рыбалку. Над нами кружили орлы и каменные стрижи. Под скалой у деда был кукан (верёвка, уходящая в реку). На него он «садил» осетра или тайменя, короче, большую рыбу, чтобы живой увезти домой. Однажды кто-то из вороватых рыбаков лучил рядом и украл рыбу. Деда очень переживал и приговаривал: «Обмельчал народишко-то, пакосливый стал. А вот орланы-то не трогают рыбу мою, упаси Бог. Лонись геолух шёл, голодный. Я его пожалел, накормил, рюмочку налил. Поехал на ловушки утре, а приехал – его след простыл. Продуктов много унёс, варнак. Хотел за Гремучий спуститься, я бы его там скрал. Да грех на душу брать неохота. А вот весной из баловства уроды чаечку тут, у рожковскх островов, убили. А её, парочка-то, сколь дён летала, плакала, искала. Я на ловушках, а она кружит, кричит. А я оправдываюсь, как будто она понимает, мол, лети, родна, не бери мне душу. Не я это зло сотворил».

«Однажды на отмели, у верхней изголови острова, орлан поймал тайменя. А рыбина ужась крупна оказалась. Ну и тапшит его в реку. Орлан кричит, крылами-то бьёт по воде. Тут другой подоспел на выручку. Вдвоём-то они управились». Я деду говорю: «Ты бы ружьё-то взял и отогнал их, и рыба – твоя!». Он аж взорвался: «Ты чё, родной, они ведь добыли. Я почаво у них отбирать буду?!».

Как-то меня ужалила в ногу змея. Но жалости я не услышал. Дед сказал: «Ты куда, паря, глядел? Сам обмишурился! Гадина-то не тронет, она убежать норовит Наступил, однако, заворотный!».

Мне дедушка казался чудаковатым, где-то соврёт, а казалось, по правде. А какой рассказчик! Бывало, мужики в кузнице, где он работал, от смеха с верстака падали. Через годы я понял, как он был прав, как любил он эту реку, эту землю, и ценил, и переживал.

После запуска Усть-Илимской ГЭС пришла беда. Дно стало зарастать водорослями, понесло шелковник. У красной рыбы стало забивать шаглы (жабры), и она погибала. По Ангаре несло огромных осетров, корышей и стерлядок. Деда говорил: «Да будь она проклята, эта прогресса, сжабали реку-то. Там, в Расее, они каким местом думают? Мы всю жись прожили тут и, эка паря, браконьерами стали, а оне – Богу указ. Паравишна власть. Там, говорят, гумагу делают, а отраву в Ангару льют Тут кака, паря, рыба выдюжит – мы сами скоро околём. Всё, паря, не так стало. Паравишна низовка потянет, сколь дён житья нет. Вся, какэсь, рыба-то в ловушках уснёт Ране такова не было. ГЭСов понатыкали, хотят воду дадут, захотят – не дадут Икра в протоках на кустах весной, тышши тонн. Рай для ворон сделали. Ране-то гуся было мульёны – вся река гудела. Мы с твоим отцом по полной лодке набивали, ужась, полно было. Один раз чуть было льдиной не раздавило лодку Я как хватил её – и на берег, чё-то хруснуло, видно, жилу мудову напорухал. Беречь себя нады, сщас сказыватца. Ране единолишно жили, малёно время, порядок был. Осенью, по голу ишо, подымались на Глуху шиверу, на бой. Так добыча красной рыбы называлась. На берегу, супротив рыбных ям, лодки направляли носом в реку, а кормой на берег. Ловушки наготове. Назначался день, выбирали старшего. Приезжали отовсюль – и кадинские, и проспихинские, пашински с рожковскими, сосновски. Полно лодок соберётся. Рыба на яме стояла, по течению, как по рангу Сперва самые крупны осетры, корыши, стерлядки, потом – помене. Старший, как махнёт флажком, и все враз в реку А там, кто вперёд успет, на хороша место. Якоря бросают, и рыба начинат ходить. Вот там-то мы её поворочали – по самы борта рыбы добывали. Из года в год так было, всем хватало. Порядок был. Вольно было, а слаще-то волюшки никаво нет...».

Я сяду в гребни, деда рулит кормовым. Закурит, успокоится: «Кольша, слышь, ручей-то как поёт. Эвон-то взмырило, хрушкой сплавился. А гадина-то залезла, гляди-ка, на плиту, толстуща кака, греется. У орлана птенцы-то уж большущи, из рашшелины выглядывают. Сам-то – на охоте, она, эвон, сидит, караулит, баски. Это тебе не дятел. Тот, наверна, боле году-то не живёт. Эвон, как головой бьётся об деревину, тут каки мозги выдюжат. Планида у него така. А эта – горда птица. Говорят, оне триста лет живут, мудрая птица. Это она меня ишо челядёнком знала. Гребни-ка пушше, чаво-то я заговорился, Кольша, унесёт на Гремучий, к лешаку».

Вот так он жил в гармонии с природой. Медведь приходил, но не пакостил, никого не трогал. Плишечка рядом посиживала на камушке, орланы радовали своей красотой. И прилетала чаечка поплакаться на худых людей.

Бесконечна нить времени, но вдруг неожиданно оказывается близка точка невозврата. И у кого-то, прочитав наши воспоминания, развеется туман беспамятства и в знак любви и покаяния захочет поставить свой крест над святыми местами нашей милой сердцу Родины.